

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АКТОР-СЕТЕВОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ: БРУНО ЛАТУР

Кононова Я.В.

аспирантка кафедры социологии и социальной работы

Института управления Приватного классического университета

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями методологических аспектов актор-сетевой теоретической ориентации (Actor-Network Theory, ANT). Кратко раскрывается содержание базовых понятий концепции Бруно Латура.

У статті розглядаються питання, пов'язані з особливостями методологічних аспектів актор-мережевої теоретичної орієнтації (Actor-Network Theory, ANT). Коротко розкривається зміст базових понять концепції Бруно Латура.

The questions related to the peculiarities of the actor-network theoretical orientation (Actor-Network Theory, ANT) methodological aspects are considered. The content of Bruno Latour basic concepts is briefly described.

Ключові слова: актор-мережа, конструктивізм, об'єкт, матеріальність, річ, політичне, наука, суспільство, природа, постмодернізм, деконструктивізм

Актуальность статьи обусловлена возникновением ситуации теоретической неопределенности в области гуманитарных исследований, где существует множество исследовательских подходов, тенденций и парадигм, и, вместе с тем, возникают исследовательские проекты, претендующие на новый парадигмальный статус. Стоит обратить внимание на то, что до недавнего времени теория стимулировала появление и развитие дискуссий, маркирующих современные тенденции в общественных науках. Исследования же, скорее, следовали за ними. Ситуация изменилась с середины XX века, когда многие ученые столкнулись с тем, что интеллектуальные средства существующих теорий более не могли справляться не только задачей концептуализации происходящих изменений в мире, — кризисом капитализма, политической нестабильностью, массовыми протестными движениями, стихийными бедствиями, миграциями, экологическим кризисом, — но и с осмыслением развития техники, биотехнологического прогресса, виртуализации повседневности. Отчасти это было связано с невозможностью больших теорий справиться с созданием адекватной картины нового сложного мира. С другой стороны, постмодернистские рефлексии заявляли о несостоятельности самого понятия интеграционной теории, которая тяготеет к тотальности, а потому вступает в противоречие с "дефрагментированным" современным миром.

В гуманитарной мысли возникает точка зрения, согласно которой процессы, происходящие в данных сферах деятельности, кроме прочего, приводят к появлению так называемых "непокорных объектов исследований" (disobedient subjects) [1, 156]. Ева Доманская, польский историограф, приводит примеры таких объектов из собственной исследовательской практики. Она пишет о том, как интересуясь новыми технологиями захоронения и интервьюируя директоров похоронных домов в Калифорнии, встретила с явлением LifeGem, - камнем памяти, как его сейчас называют в Польше. Этот синтетический бриллиант, изготовленный из праха послужил в ее работе примером возникших отношений органическое/неорганическое. Как фиксирует исследовательница, в области сакрализации смерти, входящей в общий массив культурных практик, возникают новые отношения и связанные с ними вопросы о роли предметности.

В сфере эмпирических исследований наиболее проявились недостатки теоретических конструкций, которыми пытаются воспользоваться социальные ученые для интерпретации фиксируемых явлений. Пока теоретические построения продолжают совершенствоваться сами в себе и идет выяснение взаимоотношений между ними и парадигмами на метатеоретическом уровне, проблем особых не возникает. Как только речь заходит о вопросах сугубо практического характера либо эпистемологии описания изменений, фиксирования фактов, сразу возникает методологическая и практическая (методическая) неопределенность — неясно что какими средствами описывать.

Своеобразным ответом на возникшую ситуацию теоретической неопределенности стала французская актор-сетевая теория, крупнейшим представителем которой выступает философ и социолог науки, антрополог, профессор и вице-президент по науке Парижского института политических наук, Бруно Латур. Методологическими проблемами рассмотрения содержания и эвристических возможностей актор-сетевой теории и, в частности, творчеством самого Бруно Латура в последнее время занимались несколько ученых. Так, онтологическими аспектами теории заняты американский философ-метафизик, профессор

кафедры Американского университета в Каире Грэм Харман, а также русский историк и философ науки, доцент кафедры онтологии, логики и теории познания НИУ ВШЭ Ольга Столярова. В книге Грэма Хармана "Князь сетей. Бруно Латур и метафизика" [2] концептуальные средства, разработанные ученым, представляются в качестве предпосылок к возникновению новой онтологии и метафизики. Ольга Столярова посвятила Латуре серию статей, в которых проводится последовательная аналитика его конструктивистских идей [3]. Вклад актор-сетевой теории в современную социологическую концептуализацию вещи, а также социологию повседневности исследует русский социолог, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН Виктор Вахштайн [4, 5, 6]. Имена отечественных исследователей автору не известны.

Объектом исследования данной статьи является актор-сетевая теоретическая ориентация, а, в частности, творчество её ведущего методолога Бруно Латура

Предметом рассмотрения являются вопросы, связанные с особенностями методологических аспектов актор-сетевой теоретической ориентации.

Содержание. Основоположниками актор-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT) кроме Бруно Латура являются также французский экономист, социолог, профессор социологии в парижской Высшей горной школе, Мишель Каллон и британский социолог науки и техники, профессор Ланкастерского университета Джон Ло. ANT конституируется в непосредственной связи с практикой исследования деятельности научных лабораторий в рамках междисциплинарной области «исследований науки и технологии» (Science and Technology Studies, STS). STS – это инициатива социальных ученых – философов, историков, социологов. От прежних исследований науки STS отличается тем, что вместо традиционных схем опроса, социологи и антропологи поселились среди ученых, непосредственно изучая лабораторную жизнь. Результатами такого исследования стало не то, что ученые хотели бы рассказать внешнему миру, а описание того, что они действительно делали в лабораториях. Тогда оказалось, что в лаборатории занимаются производством знания, не только тратя время и усилия на испытание природы, но во многом расходуя его и на другие прагматические операции — по конструированию площадок и аппаратуры для опытов, по поиску грантов и внешних сетей поддержки среди военных, финансистов и публики, по участию в конкурсах, по организации тестирования и внедрения результатов во внешнем мире.

В интеллектуальном проблемном поле STS сегодня развернуто множество полемических дискуссий. Оппонентами теоретиков актор-сетевой теории выступают Пьер Бурдьё и его последователи, методологию исследовательской практики которых Бруно Латур относит к мейнстриму современной социологии, — социальному конструктивизму, собирательно обозначенному им как «социология социального». С другой стороны, существует не менее острая полемика сторонников «объективной» науки или натуралистов (с которыми Бруно Латур также радикально расходится) с «релятивистами», получившая название «научных войн». Она свидетельствует о жесткой конфронтации между классическими моделями научной рациональности и «антисциентизмом» современных исследователей, настаивающих на изменчивости и относительности научных истин. Что касается позиции теоретиков ANT, то они стоят на конструктивистских принципах, однако предлагают иную интерпретацию конструктивизма. На смену социальному конструктивизму в работах Латура приходит конструктивизм, который Виктор Вахштайн предложил называть «реципрокным» [4, 103]: материальное и социальное находятся в процессе непрерывного взаимного конструирования. Это предложение «симметричного» подхода в рассмотрении взаимосвязи и взаимозависимости материального и социального, что составляет по словам Грэма Хармана, — принцип их взаимной «нередуцируемости», должны упразднить основные концептуальные недостатки, присущие сейчас социальному конструктивизму. Ими, как считает Латур, являются и конструктивистская метафора субъектности, и концептуализация самого действия, и осмысление в них роли предметности и материальности. Эти построения оказываются слишком оторваны от обыденной практики и поэтому не учитывают вещественности условий, в которых производится действие, особенностей поведения материалов, влияниях других акторов на возникновение и опосредование проектного замысла. «В конструктивизме интересно именно отрицание того, что на первый взгляд содержит в себе данное понятие — говорит Латур [7, 371]. — Не существует такого производителя, создателя или конструктора, о котором можно было бы утверждать, что он властвует над материей. Обнаруживаемая здесь неопределенность охватывает и то, что строится, и того, кто ответственен за неожиданное возникновение новых свойств подручных материалов.»

В статье «Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки» [8] Латур задается вопросом: насколько изменится обычный предмет

социальных наук, если они займутся природными феноменами? Такой опыт с точки зрения ученого должен иметь своим следствием не только ревизию предмета и задач социологии, но также закономерную постановку вопроса о новом значении фундаментальных понятий «общественное» и «наука». Применение исследовательских стратегий своих оппонентов, социальных конструктивистов, Латур видит ограниченным только гуманитарной сферой, исторически размежевавшейся с областью исследований естественных наук. Проводя последовательную критику данных подходов, которые либо игнорируют материальность объектов, либо осуществляют их редукцию к смысловой составляющей, ученый говорит о том, что STS обнаружили их несостоятельность в концептуализации природы научных фактов. Причиной этого явилась внутренняя логическая невозможность критической теории привести все здание науки к социальной конструкции, ведь тогда обрушилась бы и сама претензия наук об обществе быть науками в строгом смысле этого слова. Следствием же стала дальнейшая невозможность сводить объектность к только смыслу или принципиальное исключение операции замены, признание за объектами их «уникальной достаточности» [8, 112]. STS сделали очевидным, что социология либо должна ограничиться интерпретационными рамками, затрагивающими только акторов, наделенных интенциональностью, волей, способностью рационального выбора, т.е. только субъективной стороной жизни ученых, либо произвести ревизию самого «социального».

Здесь прочитывается более широкая тенденция к синкретичности научного познания, переходу от междисциплинарных проектов к трансдисциплинарности подходов с одновременным признанием отсутствия исторически сформированного субъекта, востребующего подобное знание. Эти процессы происходят на фоне общей невротической обеспокоенности самим проектом научного познания, поменявшего свои роль и место в жизни цивилизации (особенно западной). Вячеслав Степин, философ и организатор науки, также указывает на формирование особого, «постнеклассического», типа научного познания [9]. Речь идет о принципиально иной перспективе, подразумевающей включенность человека как составного компонента в «соразмерный» ему целостный мировой процесс. Такое сотворчество человека и природы, становящееся предметом пристального внимания науки, позволяет говорить о смерти субъекта «старого образца», чьи характеристики были сформулированы «от противного» - за счет жесткого противопоставления нечеловеческому миру.

Признанием «уникальной достаточности» объектов ANT связана концептуальной нитью со специфичным для философии середины и конца XX века призывом «к вещам». «Он выражает заинтересованность в онтологии и обращении к «докантовским способам мышления», когда философия, тесно связанная с естественной наукой, спрашивала не столько о том, как субъект познает мир, сколько о том, как этот мир устроен, — утверждает Ольга Столярова. — Было бы неверно трактовать апелляцию «к вещам» в духе возврата к «наивному объективизму» или физикалистскому редукционизму. Новизну «постсовременных» стратегий следует, видимо, искать именно в переосмыслении понятия «объект»» [3]. Важным элементом актор-сетевой методологии является наделение материальных объектов агентностью, что позволяет Латуру разрушить основной стереотип старого социологического мышления – дихотомическое представление о непересекающихся предметных областях естественных и социальных наук. Здесь он полемизирует с существующими в социальной теории интерпретациями артефактов как либо невидимого инструментария, либо пассивно оформляющего повседневные практики реквизита, либо проекционного экрана, отражающего смысл этих практик. «Артефакты не отражают общество так, словно отраженное общество пребывало в каком-то ином месте и состояло из какой-то иной материи, — говорит Латур. — Они в значительной мере представляют собой то самое вещество, из которого складывается социальность» [8, 350].

Интеллектуальный пафос актор-сетевой теории направлен на введение материальности фактов в горизонты социологического рассмотрения, признание объектов непосредственными ингредиентами и деятелями общественного порядка. Соответственно, одной из практических задач ANT является разработка методологических средств исследования и концептуализации самой природы вещи, подробное описание которых выходит за прагматику данной статьи. Стоит лишь отметить, что, несмотря на заявленный отрыв от всей классической традиции, положения ANT находятся в тесной идейной и полемической связи с трудами как современных авторов, так и предшественников. В социологической теории проблематикой вещиности занимались Георг Зиммель в рамках заявленной им формальной социологии, классик социологии повседневности Ирвинг Гофман, чья теория фрейм-анализа генеалогически связана с "социальной геометрией" Зиммеля, а также создатель этнометодологии Гарольд Гарфинкель.

Итак, методологические новации АНТ следуют тенденциям «поворота к материальности», — особого стиля социологического теоретизирования, в фокусе которого находится проблематика вещиности, материальности, произведенности. Но для Бруно Латура такой поворот чреват не только возникновением ряда новых возможностей теоретизирования. Обращение к «вещности» в актор-сетевой теории имеет и иную прагматику: как способ конституирования общего мира оно носит политический характер. Социальные науки, с точки зрения ученого, должны стать инструментами активного преобразования и общества, и мышления. В конце XIX века, как считает Латур, возникла потребность в упрощении политических процессов в результате многолетних гражданских войн и революционной борьбы. Эта потребность сказалась на формировании общественных наук. В законодательной роли науки Латур видит реализацию мечты об упрощении политики: вместо беспокойной политической арены, законодательная функция предполагает идею существования уже готового «общества» и необходимость исследования его устройства. Процесс создания общности открытыми политическими методами превращается в задачу скрытой социальной инженерии и управления с использованием знания о невидимых структурах и закономерностях. Здесь прослеживается родственность идеям Мишеля Фуко, еще более радикально подходившему к вопросу возникновению гуманитарных наук, а также Жака Рансьера, в своей теории различившему политическое и полицейское [10, 99-111]. «Полицейское» Рансьера — нормативный фундамент, осуществляющий дискурс власти и регулирующий основы отношений в обществе. «Политическое» находится в непрерывном становлении, как непрестанное утверждение идей равенства. Для Мишеля Фуко, чья методология исследования власти, неразрывно связывает ее с производством знания, возникновение социальных наук, как известно из «Рождения клиники» [11], служит следующему витку порабощения человека в переходе от наказания тела к наказанию души. В идее «общества», объясняющей реальность и поведение людей вмешательством социальных сил, манипулирующих агентами без их ведома, из которой строятся все дальнейшие гипотезы, Латур видит введение и утверждение в социологии декларативно изгнанной из нее метафизики, против превращения которой в универсальную модель интерпретации он выступает. В формуле социальных конструктивистов, идущей еще от Дюркгейма, — объяснять социальное социальным, — Латур находит методологическую деформацию. Общество, как считает теоретик, не может рассматриваться как скрытый источник причинности, которым можно объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения. Общество само должно быть объяснено.

Упрощение политики заменой политической функции законодательной, согласно Латуру, производилось в социальных науках по образцу естественно-научных подходов или по ставшему классическим в эпоху просвещения представлению об «объективности» и всеобщности научных истин о природе. Размежевание гуманитарных и естественно-научных дисциплин, как и возникновение стереотипов-коллекторов «общество» — «природа» Латур связывает с учением о дихотомии первичных и вторичных качеств, особо отчетливо разработанным философами в XVII-XVIII веках (Роберт Бойль, Джон Локк). Оно явилось непосредственным следствием атомистического, механистического миропонимания. Первичные качества — не только «объективные» свойства материальных тел, определяющие действительную ткань природы, они принадлежат всеобщему единому миру, — «природе», привелигированным доступом к изучению которой обладают ученые. Вторичные качества, являясь «субъективными» ощущениями и не совпадая со свойствами «внешних» объектов, определяют лишь способ, посредством которого люди репрезентируют мир. В своей книге «Нового времени не было» [12] Латур пытается показать, насколько зависимым от данной дихотомии, рожденной модернистским мироощущением, оказалось дальнейшее развитие философской мысли. Что касается социальных наук, то универсализм, которым наделялись единая «природа» и ее законы в естественных науках был спроецирован в конце XIX века на идею «общества». Сейчас интервенция материальной природы факта в горизонты гуманитарного рассмотрения и обращение к «вещности», отрицающее идею их замещения и редукции к смыслу, способно, согласно Латуру, привести к другой модели политики, как и к другим моделям научного знания. «Вещи обладают специфическим свойством неделимости на первичные и вторичные качества, пишет Бруно Латур. — Они слишком реальны, чтобы быть представлениями, и слишком спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывающи, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и навсегда оснащен универсум» [8, 357]. Так «поворот к материальному» в актор-сетевой теории приобретает политическое измерение. В полагании необходимости конструирования общего мира и отрицании идеи готового общества, АНТ расходится как с модернизмом, отвергшим, по словам Латура, поступательное созидание общего мира, поскольку считал природу и

общество уже заранее предсуществующими в своей внеположности любой частности, так и с постмодернизмом, не желающим в принципе искать общий мир.

Анализируя данные STS, Латур показывает, что представление социальных ученых об «объективности» исследовательской лабораторной практики ученых естественников и дальнейшем опосредовании ее результатов, строится на неверном восприятии объектов испытания как пассивных, покорных эмпирическому изучению. По мысли Латура, если природные объекты не требуют лишения их способности воздействия на результаты эксперимента, то не потому, что они полностью подчиняются ученым, а, напротив, потому, что совершенно безразличны как к их гипотезам, так и к протоколам эксперимента, будучи самостоятельными актантами исследовательской ситуации и участвуя в формировании гораздо более сложных систем распределения лабораторных отношений, нежели простое субъект-объектное противопоставление. Ни один ученый не сможет заявить, что объекты полностью управляемы, имея неоднократный опыт их сопротивления контролю и срыву планов. «Что общественные науки могли бы делать вместе с естественными — это представлять самим людям вещи со всеми их последствиями и неясностями», — говорит Бруно Латур [8, 358]. Парадоксальность того конструктивизма, на котором он настаивает и который последовательно проводит, одновременно полемизируя и с теоретиками социального конструктивизма, и со сторонниками «объективной науки», состоит в создании условий для сопротивления объекта — в этом и состоит композиционирование: «Говоря языком практикующих исследователей: факты становятся независимыми от действий ученых именно потому, что ученые работают и работают хорошо» [7, 375]. Конструктивистская ориентация актор-сетевой теории, таким образом, оказывается неразрывно связана с ее политическим намерением, требующим постоянного усилия по конституированию общего мира.

Выводы. Вышеизложенное можно резюмировать следующим образом:

— особенности методологических аспектов актор-сетевой теоретической ориентации Бруно Латура определяются социологической рефлексией, предпринятой на метатеоретическом уровне абстракции. Конструктивизм, политическая программа и «поворот к материальному» заявляются в качестве необходимых требований к построению концептуального аппарата ANT. Эти требования последовательно осуществляются затем в концептуализациях субъектности, действия, взаимодействия, объектности, материальности;

— метатеоретический уровень позволяет в рамках ANT дать новые определения фундаментальным понятиям «общественное» и «наука», иначе говоря, осуществить ревизию задач, целей и предмета социальных наук. Под «общественным» предлагается понимать не субстанцию, не сферу реальности (противоположную естественному, техническому или экономическому), а способ связывания вместе гетерогенных узлов, «способ превращения сущностей одного типа в другой» [8, 350]. Под «научным» в социальных науках предлагается понимать не описание уже имеющихся скрытых закономерностей, а изучение множественных стратегий и способов задания связностей, построения пространств и объектов.

Дальнейшее направление исследований

С точки зрения оценки эвристического потенциала актор-сетевой ориентации можно констатировать следующее:

— ANT является серьезной заявкой на преодоление нигилизма постмодернистских воззрений о невозможности создания фундаментального теоретического знания, способного предложить целостную картину современного мира. Актор-сетевая ориентация, будучи сходной с постмодернистскими теориями в отрицании любого универсализма и тотальности описаний, настаивает на необходимости поиска новых оснований, аксиоматики, логики и оптики социальных дисциплин;

— Бруно Латур и другие теоретики ANT, отталкиваясь от проблемы развеществления мира в социологических интерпретациях, уходят от прямой критики самого научного знания, осуществляя попытку реанимирования и обновления проекта научного познания, реорганизации всего социологического знания. Их целью является утверждение в дискурсе социальных наук идей материальности вещи, объект-центричной социальности;

— заявленный теоретиками ANT и их единомышленниками «поворот к материальному» предлагает ряд принципиально новых средств концептуализации. В этом состоит его ценность для современной социологической теории. Несмотря на то, что при более детальном рассмотрении теоретические успехи на этом поприще могут оказаться скромными, поворот к материальному способен оказать существенное влияние на словарь дисциплины, открывая новые горизонты социологического воображения.

Література

1. Доманська Є. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Є. Доманська. – К.: Ніка-Центр, 2012. – 264 с.
2. Harman G. Prince of Networks. Bruno Latour and Metaphysics / G. Harman. – Melbourne: ge.press, 2009. – 247 p.
3. Столярова О. Социальный конструктивизм: онтологический поворот / Вестник МГУ, Сер. «Философия», 2003, № 3
4. Вахштайн В. Возвращение материального. Пространства, сети, потоки в акторно-сетевой теории / Социологическая теория: история, современность, перспективы / Под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 489–523
5. Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией / «Социологическое обозрение», 2006, №1
6. Социология вещей. Сборник статей / Под ред. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 392 с.
7. Латур Б. Надежды конструктивизма / Социология вещей. Сборник статей / Под ред. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 365–390
8. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Социология вещей. Сборник статей / Под ред. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 342–365
9. Степин В.С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 641-697
10. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. – Пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
11. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.
12. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д.Я. Калугина. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С. Петербурге, 2006. – 240 с.